

● **Пермская опера с русской музыкой на престижной сцене мира**

ТРИУМФ КОНЦЕРТА И МЕЛОЧИ БЫТА

18 января в знаменитом американском Карнеги-холле, в зале, носящем имя скрипача Исаака Стерна, состоялся концерт из произведений П. И. Чайковского в исполнении оперной труппы Пермского театра оперы и балета. Более 100 лет назад на открытии Карнеги-холла в серии концертов Нью-йоркского симфонического оркестра принял участие в качестве дирижера П. И. Чайковский, и вот теперь на одной из самых престижных сцен мира выступил театр, носящий его имя.

Л. Ф. Ивоина у стен Карнеги-холла

В гастрольных поездках многие чрезвычайно интересные вещи узнаешь совершенно случайно. Например, чем отличается стрит от авеню. Вдоль идут проспекты - авеню, а поперек - улицы - стриты. Об этом нам поведал водитель автобуса, добровольно ставший нашим экскурсоводом. С удовольствием рассказывал он о достопримечательностях, как будто бы сконцентрированных на одном пяточке Манхэттена: вот Бродвей, вот Метрополитен-опера, вот «Нью-Йорк Сити Балле», а вот и Карнеги-холл. Рассказывая и показывая, водитель что-то запел, но чрезвычайно смутился, вспомнив, что везет артистов оперного театра.

Местом «сбора труппы» стало уютное кафе напротив Карнеги-холла, впрочем, сравнить его с другими нам было некогда. Главным его достоинством было тепло (минус семь в Нью-Йорке - это очень холодно!), основным недостатком - отсутствие служащих, говорящих на каком-нибудь понятном языке.

Знакомство с Карнеги-холлом началось с разочарования. Испугавшись пробок на дороге, мы приехали раньше времени, и нам не успели подготовить комнату для размещения. Ожидание практически на улице, как известно, способно убить радость от любой встречи. На репетицию в знаменитый зал тоже необходимо было зайти точь-вточь, при этом по трансляции приглашались по очереди все группы оркестра. Объясняется это тем, что внутренние помещения довольно тесные и развернуться двум коллективам (хору и оркестру) там достаточ-

но сложно. Во избежание каких-либо столкновений все делается крайне организованно. Отвыкшие уже в современной России ходить строем, мы, как могли, сопротивлялись организационным порядкам и создавали небольшой хаос. Более всего нам не понравился категорический запрет на всякого рода съемки в помещении Карнеги-холла, впрочем, снимать там было особенно нечего!

Привыкшие к роскошному убранству наших «царских лож», позолоченному великолепию наших оперных залов с великолепными люстрами, а также искушенные созерцанием современного оформления американских залов, мы были чрезвычайно удивлены тому минимализму, с которым был оформлен знаменитый зал: вместо люстры - овал из небольших светильников, простые ряды кресел, без всяких излишеств полукруги балконов, никаких особенностей интерьера, о которых что-нибудь можно было бы рассказать. И здесь нас осеняет простая мысль: акустика! Здесь все подчинено ей и только ей! Не случайно, по словам маэстро Александра Анисимова, этот зал на протяжении многих лет не эксплуатируется ни для каких мероприятий, кроме концертов симфонической музыки.

Постепенно строгость и простота обстановки начинают поражать своей мудростью лаконизма, к которому приходят через мучительное отбрасывание всего лишнего. Каждый звук повисает в воздухе, а поэтому должен быть взят особенно ка-

чественно. Однако чрезмерное доверие к акустике привело и к неожиданным. Во время приветственной речи Георгия Исаакяна к публике начали раздаваться выкрики из зала, которые невольно привели к некоторой заминке. Однако, даже не зная английского языка, мы скоро догадались: публика выкрикивала "не слышно!". Привыкший легко устанавливать контакт со зрительным залом, Георгий Исаакян и здесь справился со своей задачей, на что публика ответила ему искренними аплодисментами.

Необходимо заметить, что зал был практически полон, ибо накануне в Бруклинской академии музыки с большим успехом Пермским театром был представлен «Мазепа» П. И. Чайковского с солистом Мариинского театра Виктором Черноморцевым, солисткой Ростовской оперы Ириной Крикуновой и солистом Нижегородской оперы Сергеем Перминовым в главных партиях. К чести нашей оперной труппы нужно заметить, что украсившие спектакль солисты были единственными «приезжими» певцами, тем более что сотрудничество с ними не ограничивается лишь американскими гастроллями, и они хорошо знакомы пермской публике.

Итак, публика пришла на театр Чайковского и на музыку Чайковского, и успех концерта оправдал ее ожидания. Можно оценить это как триумф, а можно просто порадоваться тому, что музыкальный профессионализм в русской провинции вопреки всему остается на должной высоте. Отдельно можно сказать о своеобразном фуроре, который произвело исполнение оркестром Вальса из Евгения Онегина. Главный приглашенный дирижер Александр Анисимов, словно талантливый полководец и мудрый политик, «использовал» акустику зала как инструмент успеха. Он добился от артистов оркестра такого тишайшего и нежнейшего пиано, которое, думается, более ни в одном зале не имело бы такого эффекта. Публика просто взорвалась аплодисментами!

В перерыве между двумя внушительными отделениями концерта мы продолжали знакомство со знаменитым залом. Кстати, для меня лично было открытием, что Карнеги-холл располагает тремя концертными залами: об этом мы узнали, увидев в служебном помещении три монитора, повествую-

щих о том, что происходит в каждом из залов. Зал, в котором выступал в настоящее время наш театр, назван в честь американского скрипача Исаака Стерна. Дело в том, что Карнеги-холл чуть не погиб в конкуренции со знаменитым «Линкольн-центром». Усилиями Стерна зал удалось сохранить, и с того момента он стал президентом Карнеги-холла, пробыв на этом посту 40 лет.

Уже в гостинице, воспользовавшись услугами бесплатного интернета, прочли о том, что сам Карнеги-холл получил свое имя гораздо позднее того исключительного момента, когда там дирижировал П. И. Чайковский. Имя multimиллионера Эндрю Карнеги, заработавшего за свою жизнь около 400 миллионов долларов и потратившего на благотворительность из них 350 миллионов, кстати, написавшего книгу «Евангелие богатства» и считавшего, что «лучшим следствием для молодого человека является родиться в нищете», присвоено центру в самом конце 19 века. К слову сказать, именно последнее изречение ярче всего проиллюстрировал знаменитый однофамилец Эндрю - Дейл Карнеги. И это не просто информация, а размышления об американской установке «сделай себя сам», о том, как она воздействует на человека, о том, что будем отвечать на вопросы дома: «как они живут?», «почему у нас не так?».

Странно, но на беглый взгляд по поводу быта этой поездки приходят только мысли о том, что супермаркеты у нас удобнее, в банкомате приятнее читать по-русски, а питаемся мы все неправильно. К нам в автобус подсаживается эмигрант, начинает агитировать за американский образ жизни, мы понимаем, что это лишь попытка утвердиться в мысли, что некогда сделанный его выбор не был ошибкой. Для нас же разговор с ним - звонок в наше прошлое. Мы бросаем свои попытки объяснить, что «у нас уже все не так», - он нас не слышит, да и нам становится не интересен. Мы думаем о том, что мало удается увидеть из окна автобуса, вырвавшись из челночного движения «отель - работа». Кстати, об отеле. Конференц-отель, где размещалась оперная труппа Пермского театра, как видно из названия, предназначен для проведения многочисленных мероприятий, поэтому оркестровые репетиции проводились прямо «дома», нужно было только спуститься на первый этаж...